

В ОКТЯБРЕ 1922 года семнадцатилетний Шолохов едет в Москву.

Что вырвало его из самой гущи послевоенных событий на Верхнем Дону, из привычного хуторского быта, напоминающего растревоженный улей, где он только вчера сошел с седла продотрядовского коня?

Два долгих и трудных года мыкался он с товарищами, активистами Каргинского ревкома, по хуторам, разъясняя политику Советской власти, добывая хлеб для голодающего города, участвуя в ликбезе среди казаков, учительствуя в начальной школе, помогая отцу, Александру Михайловичу, заведовавшему Каргинской заготконторой Донпродкома. Вместе с продотрядом, укрывшись в церкви или сельсовете, отстреливался от многочисленных банд, грабивших обнищавшие, осиротевшие станицы и хутора, и сутками гонялся по степи за бандитами.

Несколько рассказов он послал в Москву, в журналы (но ответа не дождался), а для хуторской агитгруппы, в которой он был самой яркой фигурой, Михаил писал пьесы и сценки на темы хуторского быта и гражданской войны, тщательно скрывая свое авторство. По свидетельству каргинского учителя Шолохова Т. Т. Мрыгина, тайна эта была нечаянно раскрыта, в хуторе все узнали: Мишка Шолохов — сочинитель.

Он знал, что будет писать, будет рассказывать ту страшную правду, которую видел, среди которой жил сам. Он предчувствовал те муки и радости, которые потом, позднее, заполнят жизнь целиком, и сердце будет саднить от боли, когда настанет пора проститься с Натальей и Аксиньей, с Давыдовым и Нагульновым...

В чарующем шолоховском мире, созданном воображением, все осяза-

Фоминим, поднявшим мятеж в карательном эскадроне в Вешенской, Шолохову пришлось одно время жить вместе и вести споры на политические темы. Нет, непросто был этот подросток Шолохов с упрямым сократовским лбом, с ясными, пронизательными глазами. Он знал, где правда, за что проливают кровь лучшие сыны Дона, и жадно тянулся к этой правде, хорошо разбираясь в людях и событиях.

Летом 1918 года Шолохов видел разгул белаказачества на Верхнем Дону, расстрелы и пожары, издевательства над «мужиками», красноармейцами. По хуторам обсуждали страшные подробности казни Подтелкова и Кривошлыкова с товарищами.

До окончательного установления Советской власти на Дону в 1920 году Шолохов был очевидцем выступления Красной Армии под станицей Еланской, а вскоре и вешенского вос-

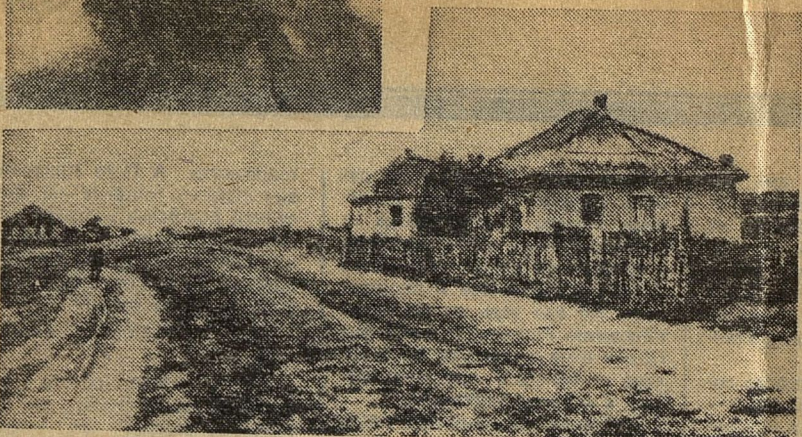
Молодой ростовский прозаик Василий Воронов — автор сборников «Телеграмма» и «Курган». Последние четыре года он не раз встречался с Михаилом Александровичем Шолоховым. Очерки об этих встречах публиковались в «Правде», «Советской культуре», «Огоньке», «Неделе». В Ростовском книжном издательстве вышла книга «На вешенской земле». Сейчас Василий Воронов работает над новой книгой о М. А. Шолохове. Книга состоит из отдельных эссе о молодых годах писателя. Одно из таких эссе «Литературная Россия» и предлагает вниманию читателей.

ЮНОСТЬ БОЕВАЯ

Михаил ШОЛОХОВ в юношеские годы.

Станица Каргинская. Справа — домик, в котором жила семья Шолоховых в 20-е годы.

Горячее и суровое время, близкое дыхание смерти, голод, бессонница наложили свой отпечаток на весь облик юноши, почти подростка. Воображение мое рисует Шолохова тех лет, продармейца, синеглазого юношу, ловко и ладно сидящего в низком казачьем седле. Лицо его обветрилось, руки худые, костистые, почти черные от весеннего солнца, в глазах, по-орлиному цепких и быстрых, светятся озорство, дерзость, живой и острый ум.

Еще тогда, «мыкаясь по донской земле», видя вокруг опустошение, жестокий голод двадцать первого, сердцем понимая истрадавшую душу трудового казака, юный Шолохов горел нетерпением проснувшегося таланта; просилась наружу, рвалась, обретая образную плоть, коловёрт вчерашних событий на Дону. И было выше человеческих сил устоять юному и пылкому сердцу против этого властного зова.

Он писал тайком, не открываясь даже матери, сам, может быть, не осознавая, в какие глубины приведут его первые, еще неостывшие впечатления, торопливо записываемые в листки из ученических тетрадей. Он спешил освободиться от тяготивших мыслей и чувств, выплескивал вгорячах на бумагу то, что жгло его изнутри, не давало покоя ни днем, ни ночью.

жет быть, самое полное счастье в жизни...

Не тщеславие, не авторское самолюбие или желание блестящей писательской карьеры осеняло юношу, почти мальчика, когда он взялся за перо, — скорее неотвратимость, огромное впечатление увиденного и пережитого, от которого не уйти, не забыть, но единственно возможное — открыть свои кладези, сказать миру слово, которое зреет и наливаются силой только в его душе.

Талант, подобно просыпающемуся вулкану, давал о себе знать...

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Детство и юность Шолохова совпали с великими историческими потрясениями, закалились в горниле Революции и гражданской войны.

Девятилетним отец привез его в Москву, в глазную больницу доктора Снегирева на Колпачной улице, лечить глаза. И здесь мальчик увидел фронтовиков, искалеченных в окопах первой мировой войны. Он слушал их споры о войне, о казачестве, об окопной правде, о страданиях народных. Потом Григорий Мелехов, оказавшись после ранения в этой же снегиревской больнице, будет мучительно размышлять о своей судьбе, о правде, на которую ему открывал глаза большевик Гаранин.

С краснобаем и путаником Яковом

стания, которое оставило огромное впечатление у мальчика и буквально через несколько лет стало одним из основных событий в «Тихом Доне».

Многих казаков, станичников, которых закружило и погубило восстание, Михаил знал лично.

В конце сентября 1920 года на Верхнем Дону появились многотысячные отряды банды Махно. Немало кровавых следов оставили они в станице Боковской, хуторе Каргине, селе Верхне-Макеевке. Зверски убивали местных активистов, учителей, грабили склады и лавки. Под хутором Коньковом пятнадцатилетний продармеец Шолохов угодил в лапы к махновцам. 30 января 1980 года при встрече донских писателей с М. А. Шолоховым в Вешенской первый секретарь Вешенского райкома партии Н. А. Булавин спросил, пришлось ли ему встретиться с Махно.

— Как же, — ответил Михаил Александрович. — Допрашивал меня...

— Какое впечатление он произвел на вас?

Шолохов усмехнулся, пригладил усы. Пыхнул сигаретой:

— Невзрачная личность. Любил окружать себя анархами интеллигентствующими...

— Какая же у него цель была?

— Никакой. Кружили тут по хуторам, лавчонки сельповские грабили...

— Какое войско у него было?

— Хорошо вооруженное. Рейды совершали по всем правилам. Вперед разведка. Конница, пехота. Передвигались на ходах...

Трудно сказать, что смягчило тогда гуляйпольского батька: то ли совсем мальчишеский вид пленника укротил его гнев, то ли хозяйка хаты, где шел допрос, разжалобила бандита материнским чувством — он отпустил «вражененка», крепко и матерно пригрозив повесить в другой раз.

Немало пришлось пережить в страхе и ожидании матери Анастасии Даниловне, боявшейся потерять своего единственного. Михаил Александрович вспоминал этот эпизод в 1943 году: «Мне помнится, как во время гражданской войны, когда мне было четырнадцать лет, в нашу станицу ворвались белые казаки. Они искали меня, как большевика. «Я не знаю, где сын», — твердила мать. Тогда казак, привстав на стременах, с силой ударил ее плетью по спине. Она застонала, но все повторяла, падая: «Ничего не знаю, сыночек, ничего не знаю...»

Был «переплет» и со своими, в продотряде. Забирая излишки хлеба у твердозаданца, продармеец «превысил власть», подобно Макару Нагульнову. Его горяча приговорили к расстрелу. Двое суток Михаил сидел в холодной под стражей, пока, к счастью, не разобрались и не заменили расстрел двумя «условными годами».

«Приходилось бывать в разных переплетках...» — скупое скажет в автобиографии Шолохов. Но за скупостью этой стоит многое.

Еще в детстве и потом подростком Шолохов тянулся к старикам, «служанкам», участникам турецких кампа-

ний. Слушал их долгие, степенные рассказы, яростные споры о батальных и генеральных, походные байки, неистощимый казачий юмор, старинные песни. Особенно живописно рассказывал каргинский дед Фадеев, георгиевский кавалер, крутого, несокрушимого склада человек. В 1913 году его пригласили в числе других ярых монархистов в Москву, на празднование 300-летия дома Романовых. По свидетельству старожиллов, многие черты деду Фадеева унаследовал в «Тихом Доне» дед Гришака.

Думая о детстве и юности Шолохова, дивясь их богатству и глубине, разнообразию событий, той жадности, с которой Михаил относился к хуторской жизни, к действительности. В предисловии к «Донским рассказам», выпущенным японским издательством «Обунся», Шолохов писал: «Дети любой страны в тяжелые годы войны и революций живут особой, не совсем детской жизнью. Об этом я и написал рассказы, когда был еще молодым и детские воспоминания мои были ярче, стояли ближе ко мне во времени».

Эти «воспоминания», раздумья над пережитым и увиденным, первые рассказы и позвали его в дорогу — осуществлять в Москве литературные замыслы.

Серая казацкая папаша, трофейная английская шинель, стоптанные сапоги. Вещмешок за плечами. Перекрестила Анастасия Даниловна своего единственного, заплакала. Бричка застучала по ухабам, увозя его на железнодорожную станцию, за 150 верст, из глуши, в которой он родился и вырос.

О чем ему думалось тогда?

Перед ним как на ладони лежал хутор Каргин. Там, напротив паровой мельницы, на излучине неширокого, в собольих камышах Чира, Миша почти каждый день часами просиживал с удочками. Там, в хуторе, оставались шумные и азартные военные игры — с деревянными шашками, пиками и ружьями, с настоящими казачьими фуражками и ремнями. Были ссадины и синяки, был много раз бит нос до крови, но запомнились только воинственный пыл, упоение дружбой, отвагой и ловкостью — Михаил всегда был надежным и верным товарищем.

Многое оставалось в родном хуторе: разноголосые ярмарки во воскресным дням, старинные казачьи песни о военных походах, о горькой судьбе казака на чужбине, о разрозненной сторонущей, о вольной птахе-канареечке.

Вспомнились хуторские кони, на которых он рано научился скакать рысью и наметом, прищипывая бока голыми пятками и крепко впившись руками в густую жесткую лошадиную холку.

Перед его глазами лежали балки, заросшие почти по пояс бурными высохшими травами, буераки, в которых скрывались волчьи выводки и вся степь окрест хутора — не тронутая плугом, с далекими лысыми курганами, в мудром молчании берегущими «зарытую казачью славу»...

Оставались в хуторе и могилы его товарищей, продармейцев, погибших в боях с бандитами...

Он ехал в Москву, полный надежд. Начиналась новая жизнь. Первые знакомства, первые литературные студии, горячие споры, работа по ночам. Первые публикации. И в неверно коротких сроках — огромный успех, всенародное признание.

Жизнь только начиналась.

РОСТОВ-НА-ДОНУ